

УДК 94(470.41)"1906/1914"

**ТАТАРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ
(1906–1914 гг.)**

Ф.Г. Зайнуллина, Р.В. Шайдуллин

Аннотация

В статье рассматривается процесс проведения столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии с учетом национального фактора. Установлено, что татарские крестьяне по сравнению с русскими были более инертными в плане выхода на хутора и отруба. Показано, что в ходе землеустроительных работ реформаторам не удалось полностью достичь своей основной цели – разрушить многоэтничную сельскую поземельную общину.

В ходе революционных событий 1905 г. произошли существенные изменения во взглядах на крестьянский вопрос не только в правящих верхах, но и в низовой дворянской администрации. Усиление крестьянского движения весной и летом 1905 г. окончательно убеждает царское правительство в необходимости принятия срочных мер по облегчению положения крестьянства. Для «успокоения» многоэтничного крестьянства были отменены выкупные платежи (Манифест 3 ноября 1905 г.), введены новые правила о расширении деятельности Крестьянского поземельного банка, переданы ему удельные (12 августа 1905 г.) и казенные (27 августа 1905 г.) земли для продажи крестьянам, приняты новые правила о землеустройстве (4 марта 1906 г.). Годовые оклады выкупных платежей бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян подлежали с 1 января 1906 г. сокращению наполовину, а с 1 января 1907 г. взимание этих платежей должно было вовсе прекратиться. Несколько позже указом от 4 марта 1906 г. был создан Комитет по землеустроительным делам и землеустроительным комиссиям, в обязанность которого входили следующие вопросы: облегчение нуждающимся крестьянам переселения на свободные земли и арендных отношений; содействие сельским обществам в установлении более совершенных способов пользования надельными землями.

Столыпинская аграрная реформа предусматривала создание новой землеустроительной системы, основанной на хуторах и отрубках по типу капиталистического фермерского хозяйства. Имелось в виду, что хутора и отруба поглотят сначала надельные крестьянские земли, а затем постепенно срастутся с помещичьими латифундиями. Эту задачу предполагалось решить двумя способами: разверстывать на хутора и отруба земли, перешедшие в распоряжение Крестьянского поземельного банка, проводить землеустроительные работы на на-

дельных землях путем отвода лучшей общинной земли под хуторские и отрубные участки. Деятельность землеустроительных комиссий сводилась в целом к насаждению хуторов и отрубов на надельных, банковских и казенных землях.

Как следует из анализа многочисленных источников, процесс создания отрубов и хуторов в Казанской губернии во многом был связан с деятельностью землеустроительных комиссий. Формирование землеустроительных комиссий в губернии происходило в период 1906–1908 гг. Уже в 1906 г., помимо губернской землеустроительной комиссии, было создано 6 уездных комиссий, в 1907 г. – еще 4¹. Однако на первых порах губернская и уездные землеустроительные комиссии были заняты исключительно содействием переселению в Сибирь и расширению деятельности Крестьянского поземельного банка. Для устранения крайней агротехнической запущенности и создания новой системы землеустройства требовались огромные капиталы, большие организаторские и агрикультурные силы в лице землемеров, агрономов, инженеров, техников, экономистов, которыми царское правительство, как и казанское губернское руководство не располагало. Достаточно сказать, что к тому же была большая «инертность непрременных членов и низкий уровень образованности в составах большинства комиссий»².

Свидетельством неэффективности работы землеустроительных комиссий в Казанской губернии являлось малое количество крестьянских заявлений об укреплении земли в личную собственность. Так, с момента обнародования указа 9 ноября 1906 г. до истечения 1907 г. в землеустроительные комиссии губернии было подано всего лишь 2910 заявлений об укреплении земли. В том же году Казанским отделением Крестьянского поземельного банка по законченным сделкам было куплено 34147,5 дес. земли (на 3 млн. руб.) для 39 сельских обществ, 58 товариществ и только 9 отдельных домохозяев³. Это было связано с тем, что большинство крестьян из-за отсутствия рекламы закона от 9 ноября 1906 г. на страницах периодической печати и дешевой научно-популярной литературы, в выступлениях губернских чинов были не только плохо осведомлены о целях землеустроительных органов, но и морально слабо подготовлены к переменам в земельных отношениях.

Вместе с тем нельзя забывать, что Казанская губерния была многонациональным субъектом, и в связи с этим требовалась огромная разъяснительная работа о целях новой аграрной реформы среди татарских, чувашских, марийских, удмуртских и мордовских крестьян. Правда, позже силами губернского и уездных землеустроительных комиссий были подготовлены и изданы для сельского населения отдельные популярные брошюры о задачах указа 9 ноября 1906 г., которые переводились также на татарский, чувашский и марийский языки и распространялись среди этих национальных групп крестьянского населения.

Многие негативные явления, связанные с работой землеустроительных комиссий, объяснялись оторванностью министерских и местных губернских чиновников от проблем многоэтничного крестьянского населения страны. Такое положение дел, безусловно, не устраивало главного инициатора проведения земель-

¹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 256. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 95.

² Там же.

³ Там же. Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 4451. – Л. 10–12.

ной реформы П.А. Столыпина, который в своем обращении к казанскому губернатору М.В. Стрижевскому требовал от него «неуклонного и неослабного наблюдения и настойчивого руководства» проведением землеустроительных работ в губернии¹. Характерно, что после этого обращения в Казанской губернии начала разворачиваться активная кампания по реализации землеустроительных работ.

Одновременно с агитационной кампанией Казанскую губернию посещают чиновники Министерства внутренних дел, главной целью которых было осуществление наблюдения и руководство ходом реформы. Так, с именем помощника управляющего земским отделом Министерства внутренних дел Бафталовским связываются административно-репрессивные действия по отношению к некоторым земским начальникам губернии: по его распоряжению были уволены 9 земских начальников в Чебоксарском, Ядринском и Цивильском уездах².

Правда, эти директивные указания относительно работы землеустроительных комиссий смогли расшевелить в определенной мере инертные крестьянские массы. С 1908 г. в Казанской губернии наблюдается постепенное увеличение количества крестьянских заявлений с просьбой об укреплении земли в личную собственность. В сентябре указанного года было утверждено 709 заявлений, в октябре – 1723, в ноябре – 2639. Всего за период с 1 января 1907 г. по 1 июля 1908 г. от крестьян Казанской губернии поступило 8273 заявления о выходе из общины. Согласно данным уездных съездов и землеустроительных комиссий, в 1907–1909 гг. закрепили свои наделы в личную собственность 17821 крестьянин, в том числе 16062 домохозяина и 1759 домохозяек, за которыми числилось 120226,3 дес. земли, из них 96682,1 дес. пашни и 23544,2 дес. прочих угодий³. В среднем на каждого домохозяина приходилось 6,7 дес. земли, а на наличную душу мужского пола – по 3 дес. сельскохозяйственных угодий. Как видим, большинство из них сохранило за собой свой прежний надел. Заметим, что больше всего заявлений о выходе из общины в указанный период поступило из Чистопольского и Лаишевского уездов. Известно также, что жители 12 сел этих уездов в полном составе перешли к отрубным или хуторским формам хозяйствования⁴.

Царское правительство изменило условия банковского кредита, приравняв Крестьянский поземельный банк в правах кредитования к Дворянскому земельному банку с правом выдачи ссуды в размере от 90% до 100% стоимости земли при 4,5% погашения. По законченным 465 сделкам в 1908 г. было куплено 36084,53 дес. земли за 3621777 руб. для 31 сельского общества, 146 товариществ и 288 отдельных домохозяев⁵.

Уже в декабре 1908 г. наблюдается замедление темпов укрепления крестьянских земель в личную собственность, оно стало особенно заметно в первые месяцы 1909 г.: ежемесячная подача заявлений уменьшилась с 2639 до 1015⁶.

¹ Кабытов П.С. Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции (Предпосылки и ход столыпинской аграрной реформы 1907–1914 гг.). – Куйбышев, 1977. – С. 17.

² Маслов С.Л. Новый закон о крестьянском землевладении. – СПб., 1910. – С. 59.

³ Кабытов П.С. Указ. соч. – С. 18.

⁴ Там же.

⁵ НА РТ. Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 4451. – Л. 9.

⁶ Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии (Указ 9 ноября 1906 года и закон 14 июня 1910 года). – Казань, 1911. – С. 20.

В отчете императору Николаю II за 1910 г. М.В. Стрижевский отмечал, что в переходе крестьян от общинного землепользования к единоличному землевладению наблюдается серьезный кризис, выразившийся в форме резкого уменьшения числа поступивших заявлений отдельных домохозяев о выходе из общины¹.

Правда, после обнародования закона от 29 мая 1911 г. местным властям удалось приостановить падение темпов землеустроительных работ. Так, площадь устроенных земель в Казанской губернии в 1912 г., по сравнению с 1911 г., увеличилась на 7500 дес., а число домохозяев, в отношении которых производились землеустроительные работы, – на 3200 человек². Однако губернским чиновникам вновь приблизиться к наивысшим показателям аграрных землеустроительных работ 1908–1909 гг. так и не удалось.

Причины замедления темпов землеустроительных работ в губернии кроются, несомненно, в добровольно-принудительном характере этой правительственной кампании. Доказательством этому может послужить сам процесс укрепления земельных наделов в личную собственность всеми категориями сельского населения в Казанской губернии. Как следует из анализа статистических данных за 1906–1910 гг., из 21998 домохозяев, укрепивших землю в личную собственность, 17097 (77.7%) стали владельцами личных земельных участков на основании постановлений земских начальников и 4901 (22.3%) – по приговорам сельских сходов³. Процент укрепления земель по приговорам сельских сходов по уездам сильно колебался. Так, в Лаишевском уезде число укреплений такого рода составляло в 1910 г. только 10.1%⁴. Эти статистические данные показывают, что большая часть крестьянских дворов укрепила свою землю в личную собственность под давлением земских начальников, а не по совместному соглашению общинников.

К 1 января 1911 г. всего лишь 5.4% (21678 домохозяев) крестьян-общинников укрепили свой земельный надел в личную собственность. За ними числилось 115501 дес. земли, или 4.7% от всей общинной пашни. Наибольшее число домохозяев, укрепивших наделы, было в Лаишевском (24.1%) и Чистопольском (22.8%) уездах. На остальные же уезды губернии укрепленной земли приходилось от 10.8% (Спасский уезд) до 1% (Ядринский уезд)⁵.

Здесь уместно указать и на тот факт, что размеры площадей укрепленных земельных участков у разных категорий крестьянства значительно отличались: за бывшими помещичьими крестьянами числилось 14.4% и за государственными – 2.6% земельных угодий от всех общинных земель⁶. Объясняется это, во-первых, тем, что у государственных крестьян общинные связи были сильнее, нежели у других разрядов (благодаря преобладанию в их составе татарского населения), во-вторых, с наличием значительного количества сложных общин.

Если на процесс укрепления земельных наделов посмотреть в национальном разрезе, то мы увидим, что татарские крестьяне в этом плане значительно

¹ НА РГ. Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 4875. – Л. 41.

² Там же. – Д. 5136. – Л. 7.

³ Укрепление наделов... – С. 21.

⁴ Там же. – С. 26.

⁵ Там же. – С. 17.

⁶ Там же. – С. 27.

отставали от русских. Так, общее количество домохозяев, укрепивших свои земельные наделы в личную собственность, в среднем по Казанской губернии в начале 1911 г. составляло 4.5% (в том числе владельцев хуторов 0.5%). Если рассмотрим эти относительные показатели в национальном разрезе и сравним их, то увидим, что только 2.5% (3190 хозяйств) татарских домохозяев закрепили за собой свои земли в собственность. Владельцев отрубов и хуторов было еще меньше: всего лишь 0.1%, или 168 хозяйств. В то же время русское сельское население имело в личной собственности 9.2% от всех земель и 1.6% выселившихся на хутора. Таким образом, общее количество укрепленной земли у русских составляло 7.5% всей надельной площади, у татар – 2.2%, у чувашей – 2.1%¹. Очень мизерное распространение получило среди татарского крестьянства хуторское землевладение. К тому же размеры хуторов татарских хозяйств были слишком малые. Так, по данным из Лаишевского уезда, они варьировали от 10 до 22 дес.² Из приведенных статистических данных виден весьма активный процесс разложения русской поземельной общины, нежели татарской и чувашской. Община всячески поддерживалась зажиточными и середняцкими слоями крестьянства.

Землеустроительные комиссии Казанской губернии с конца 1909 г. начали больше внимания обращать на организацию хуторов и отрубов по типу участкового фермерства. На 1 января 1911 г. в губернии под хуторами и отрубам находилось 13978.1 дес. земли, или 0.4% от всех общинных сельскохозяйственных угодий³. Численность домохозяев, перешедших к отрубному хозяйству, составляла 1957 человек, или 0.5% от всех крестьян-домохозяев губернии, и 9.0% от числа укрепившихся⁴.

Положительным являлось то, что под влиянием рыночных отношений в ходе землеустроительной кампании формировалась явно выраженная предпринимательская инициатива крестьянского населения. Близость рынка и рентабельность отдельных отраслей сельскохозяйственного производства создавали условия для перехода целых селений к отрубной или хуторской системе хозяйствования – как путем предварительного укрепления наделов, так и без него. Этому процессу особенно были подвержены жители малых деревень. Так, по данным на 1 января 1911 г., 13 общин с 679 домохозяевами полностью перешли к хуторско-отрубному земледелию. За ними было закреплено 58475 дес. земли⁵. Достаточно сказать, что такие случаи были довольно редкими. Судя по количеству домохозяев, можно сказать, что они были жителями малых сел и благодаря этому им было легче побороть многовековые общинные традиции, нежели жителям крупных сельских населенных пунктов.

Что же касается распространения отрубных хозяйств в нерусских деревнях, то следует отметить, что здесь вследствие отсутствия официальной статистики по национальным группам сельского населения приходится пользоваться под-

¹ Укрепление наделов... – С. 28.

² Терентьев И.И. Обследование хуторских хозяйств в Лаишевском уезде в 1910 году. Издание Лаишевского уездного земства. – Казань, 1911. – С. 32

³ Укрепление наделов... – С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

счетами отдельных исследователей. Так, по приблизительным данным за 1910 г., за русскими крестьянами числилось 4559.1 дес. (59.4%), за татарскими – 935.4 дес. (12.2%), за чувашскими – 664.7 дес. (8.7%) земельных угодий¹. Из этих статистических данных следует, что среди татарского крестьянства хуторско-отрубная система земледелия не получила значительного развития.

Помимо устройства единоличных хозяйств, землеустроительные комиссии усилили свою работу в направлении устранения недостатков в системе крестьянского землевладения. Так, в 1911 г. в комиссии поступили ходатайства об улучшении форм землепользования от 40501 двора из 942 сельских обществ. В 377 сельских обществах (всего 22225 домохозяев) были произведены землемерные работы на площади 118414 дес. сельскохозяйственных угодий².

Но все же правительственная землеустроительная политика заметно перестроила земледелие Казанской губернии. К 1914 г. в губернии землеустройством было охвачено около 542 тыс. дес. земельных угодий (16.8% от всей надельной земли)³, в том числе укреплено в личной собственности крестьян 101.5 тыс. дес. (18.7%) и подвергнуто групповому землеустройству – 440.5 тыс. дес. (81.3%)⁴. Что касается соотношения хуторского и отрубного хозяйства, то количественное превосходство, бесспорно, принадлежало второму типу хозяйства. К январю 1914 г. в губернии было выделено из сельской общины 12416 отрубов (92.8%) и 7984 хутора (7.2%). Хуторянам принадлежало 9,7 тыс. дес. земли, отрубникам – 83 тыс. дес.⁵ При этом необходимо отметить, что в то время как средняя численность населения сельских населенных пунктов по губернии равнялась 99 дворам, а размер его владения – 772 дес., количество разверставшихся селений достигало лишь 38 дворов, а размер их владений – 428 дес., т. е. в 1.5 раза меньше⁶.

Нельзя забывать и тот факт, что помимо работ по землеустройству крестьянских наделов в Казанской губернии производилось еще устройство земель Крестьянского поземельного банка и казны. Но результаты в этой сфере были еще скромнее. На этих землях было образовано 2444 владения, в том числе на землях банка – 1752 и казны – 492 хозяйства⁷. Правда, стоит отметить, что земельное обеспечение крестьян, устроившихся на этих землях, было значительно выше, чем у надельных, в среднем оно составляло 13.8 дес.⁸

Но это только количественная сторона дела. Что касается качественной стороны, то следует сказать, что эта новая форма землеустройства плохо приживалась в деревне, особенно в татарской. Опираясь на многочисленные официальные документы, можно заключить, что процесс создания отрубов в рассматриваемый период захватил лишь 266 общин из свыше 2.9 тыс., или около 9% от общего количества сельских обществ. Наибольшее развитие отрубное землеустройство получило в восточных уездах Казанской губернии – в Чистополь-

¹ Укрепление наделов... – С. 32.

² НА РТ. Ф.1. – Оп. 6. – Д. 699. – Л. 21.

³ Там же. – Оп. 4. – Д. 7401. – Л. 23–24.

⁴ Там же. – Оп. 6. – Д. 699. – Л. 21.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ском (26.6% от общего количества отрубов губернии), в Тетюшском (17.4%), в Спасском (11.3%), в Лаишевском (10.8%). В западных уездах, напротив, строительство отрубов не получило весьма широкого развития: в Чебоксарском уезде их площадь составляла 4%, в Царевококшайском – 3%, в Козьмодемьянском – 1.5%, в Ядринском – 0.1%¹. Таким образом, отрубная система хозяйствования привилась главным образом в тех уездах губернии, где наибольшее распространение получила тенденция укрепления земли в личную собственность.

За годы аграрной реформы единоличному землеустройству подверглось 13400 дворов, из этого числа домохозяев всего лишь 984 (7.2%) переселились на отведенные им участки и завели там хуторское хозяйство, а остальные 12416 домохозяев (92.8%) остались жить в селах².

Помимо этого, нельзя забывать, что в ходе землеустроительной кампании произошло значительное расстройство земельных отношений в деревне, которое выразилось в колоссальной разнице между высшим и низшим крестьянскими наделами. Так, по губернским статистическим данным, в укрепленных в личной собственности землях высший надел составлял 46.2 дес. (Лаишевский уезд), низший – 0.3 дес. (Тетюшский уезд); в хуторско-отрубных хозяйствах (правда, без учета сведений по Лаишевскому, Спасскому и Чебоксарскому уездам)³ эти ножницы были в пределах от 40.5 дес. (Цивильский уезд) до 0.3 дес. (Свияжский уезд). Как правило, низшие наделы поступали на рынок, а на высших создавались хозяйства фермерского типа.

Таким образом, расчеты правительственных и губернских чиновников на быструю ликвидацию общины не оправдались. Более того, крестьянская община в годы столыпинской аграрной реформы не только не пала, но и даже окрепла. Чтобы убедиться в этом, проанализируем, какие же социальные группы крестьянства вышли из общины и какие силы удерживали ее от распада.

Статистические данные свидетельствуют, что самая многочисленная категория выходцев – это малоземельные, разорившиеся крестьяне, многие из которых давно уже порвали связи с землей. К их числу в первую очередь относились сельские кустари-ремесленники, отходники-промысловики и т. п., которые ранее сдавали свои наделы в аренду, теперь распродали их, пользуясь предоставленными реформой возможностями. Ко второй категории относились нетрудоспособные владельцы (престарелые, вдовы, сироты), которые и ранее сдавали свои наделы в аренду, а теперь получили возможность совсем отделаться от них, причем эта категория крестьян составляла значительную часть всех выходцев из общины. К третьей категории относятся переселенцы (по нашим подсчетам, их не более 7 тыс. семей), которые путем продажи своих наделов получили возможность переселяться на новые земли. Кроме того, среди выходцев из общины была и определенная прослойка зажиточного крестьянства – так называемых «хозяйственных мужичков», давно пытавшихся выйти за рамки общины. Теперь они почти полностью порывали с ней свои хозяйственные узы. Хотя это и небольшая по численности категория, но она была самым крупным земельным скупщиком, в ее руках концентрировалась большая часть купленной

¹ Укрепление наделов ... – С. 55.

² НА РТ. Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 7401. – Л. 23–24.

³ Укрепление наделов ... – С. 52.

земли. Очевидно, что, освобождаясь от этой категории крестьян, община не утрачивала своей жизнеспособности.

Итак, из общины выходили главным образом две группы сельских хозяев: с одной стороны, деревенская беднота, кустари-ремесленники, отходники-промысловики и нетрудоспособные владельцы, которые уже почти порвали связь с землей и теперь окончательно развязались со своими наделами; с другой – зажиточная верхушка деревни, которая давно уже чувствовала общинную тесноту, тяготилась ее замкнутостью и неподвижностью. Первые выходили из общины с целью полной ликвидации своего хозяйства, вторые – с целью расширения своего хозяйства, в первую очередь земельного участка. Разумеется, выход этих категорий из сельских обществ несколько не ослабил позиции общины.

Самым устойчивым ядром сельской общины оставалось среднее крестьянство, которое, не рискуя остаться обезземеленным, стремилось агротехническими мерами поднять и улучшить производительность своего хозяйства в рамках общинного землепользования. При этом следует отметить, что середняки часто были довольно распространенными покупателями надельной земли, поскольку земельные участки, продаваемые деревенской беднотой, были мелкими, не превышающими 2–3 дес., что было посильно для покупки средним крестьянам, к тому же их легко было присоединить к своим участкам.

Таким образом, столыпинская аграрная реформа привела к определенным позитивным переменам в жизни основных слоев многоэтничного крестьянства. Создание сети железных дорог, увеличение городского населения, рост спроса на сельскохозяйственную продукцию на российском и западноевропейском рынках способствовали повышению товарности крестьянского хозяйства. К тому же аграрная реформа объективно расширила развитие торгового земледелия в деревне. Этот процесс сопровождался не только резкими социальными изменениями в крестьянской среде, но и заметными качественными сдвигами в области развития сельскохозяйственного производства. Это выразилось прежде всего в улучшении культуры земледелия, в применении более совершенных орудий и машин при обработке полей, увеличении площадей под техническими и товарными культурами, росте товарности продукции и сельскохозяйственного рынка.

Summary

F.G. Zainullina, R.V. Shaidullin. Tatar Peasantry of Kazan Governorate in the Period of Stolypin's Agrarian Reform (1906–1914).

The article reveals the process of Stolypin's agrarian reform realization in Kazan Governorate from the national point of view. It is stated that Tatar peasants, in contrasted to Russian counterparts, were more inert as regards going to boweries and otrubs. It is revealed that the reformers did not reach the main purpose, i. e. destroying polyethnic agricultural community.

Поступила в редакцию
05.10.07

Зайнуллина Фарида Габделбаровна – аспирант кафедры современной отечественной истории Казанского государственного университета.

Шайдуллин Рафаиль Валеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Казанского государственного университета.